

II. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ АЛЬБОМНОЙ ЛИРИКИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ 1790—1830-х ГОДОВ

Публикация В. Э. Вацуро

Предлагаемая публикация является органическим продолжением обзора литературных альбомов, помещенного в настоящем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома». Из числа текстов, содержащихся в альбомах, для нее отобраны те, которые представляют интерес либо по своему содержанию, либо по имени автора. С другой стороны, нам хотелось предложить читателю в первую очередь образцы именно альбомной поэзии, которая, не будучи особым жанром, все же имела определенные особенности, зависевшие от ее назначения и литературного бытования, — особенности, которые мы отчасти попытались определить в самом тексте обзора. Как правило, это «легкая поэзия» мадригального типа, с характерным галантным остроловием, иногда получавшим совершенно характерный смысл, понятный до конца лишь адресату и его ближайшему окружению. Такие стихи широко печатались в журналах и авторских сборниках XVIII—начала XIX в. Князь П. И. Шаликов, например, постоянно обращавшийся в собственном творчестве к подобного рода поэзии, издал большинство стихов своего альбома (упомянутого нами) в сборнике «Последняя жертва музам» (М., 1822). Уже к концу 1820-х годов публикации слишком «домашних» стихов рассматриваются как архаичные и даже не вполне уместные. Еще позднее В. А. Соллогуб, отбирая для печати «тридцать четыре стихотворения», предпослал им изыскательное стихотворное предисловие, обращенное к читателю (см.: Соч. графа В. А. Соллогуба, т. 4 СПб., 1856, с. 543—599). В самих же альбомах продолжает сохраняться жанровый отбор: сюда вписываются романсы, дружеские послания, мадригалы. Вместе с тем диапазон альбомной лирики расширяется даже в этих ограниченных пределах: не теряя связи с традицией «легкой поэзии», она иной раз наполняется теперь вполне «серьезным» содержанием — литературным и даже общественным (см. публикуемые ниже стихи В. И. Туманского, В. Г. Бенедиктова и др.).

Помимо лирики, альбомы сохранили нам и образцы литературно-полемических сочинений самого разнообразного типа В предлагаемой публи-

кации представлен один из довольно редких жанров — шуточная автобиография. Наконец, мы включили в публикацию и такие материалы, которые не являются в строгом смысле «альбомными» и сохранились в альбомах как автографы.

Большинство авторов, представленных ниже, изучены мало и не имеют сколько-нибудь разработанной библиографии сочинений. Во избежание вторичной публикации текстов были просмотрены авторские сборники и собрания сочинений (если они имеются), персональные библиографии, роспись альманахов (Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники. М., 1965), а также картотеки Б. Л. Модзалевского и С. А. Венгерова, регистрирующие журнальные публикации. Нет сомнения, однако, что большое число текстов по сие время остается затерянным на страницах периодических изданий, и не исключено, что среди них со временем отыщутся первые публикации некоторых текстов, печатаемых здесь по автографам и авторитетным альбомным копиям.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

МАДРИГАЛ НА МАСКАРАД 2 ЧИСЛА ОКТЯБРЯ 1793 ГОДУ,
В КОТОРОМ НЕКОЛЬКО ПОЛЬСКИХ ДАМ
ЯВИЛИСЬ ОДЕТЫМИ В ВИДЕ АМУРОВ

Герои росски побеждали
И света потрясли предел;
Враги Амуров образ взяли,
Наполнили колчаны стрел,
Вступили в град Екатерины,
Поранили сердца орлины —
И днесь под сенью крыл ея
Враги ликуют и друзья.

Альбом А. Н. Гасвицкой. — Р. I, оп. 42, № 5, л. 1.

Автограф был прислан П. А. Гасвицкому, приятелю Державина, познакомившемуся с ним в конце 1760-х годов (Державин Г. Р. Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. 2-е акад. изд. Т. 6. СПб., 1876, с. 439). Гасвицкий был почитателем таланта Державина и постоянно получал от него при письмах стихи (там же, т. 5 и 6, по указателю; Изв. АН СССР, Отд-ние обществ. наук, 1931, № 1, с. 78). Публикуемый мадригал написан непосредственно после второго раздела Польши (1793). Упоминаемый маскарад — по-видимому, одно из празднеств, связанных с бракосочетанием великого князя, будущего императора Александра I, 28 сентября 1793 г. (см.: Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1897, с. 86).

А. В. АРГАМАКОВ

К МОСКВЕ

Позлащенными главами
Досягая горних стран,
Удовольствия дарами
Утешай своих граждан.

Щедрую усыпь рукою
Путь их множеством отрад,
Но среди торжеств, покою
Обрати ко мне свой взгляд —
Я прощаюсь с тобою,
О Москва, любезный град!
Мне тебя оставить должно —
Против воли то моей!
Я оставлю, — но как можно
Возвращусь к тебе скорей.
Возвращусь, опять увижу
Те прелестные места,
К ручке милой где приближу
Страстные мои уста,
Где увижу живость взоров,
Где ее услышу глас,
Где среди сладких разговоров
Свет луны застанет нас,
Где еще... я восхищаюсь,
Вображая оный час!
Ах! но может быть прощаюсь
Я с Москвой в последний раз,
Может быть, отсель далеко
Я умру в чужой стране,
Где, зарыв мой труп глубоко,
Все забудут обо мне;
Где никто своей слезою
Не омочит холодный прах,
Где лишь ворон надо мною
Прокричит — нагонит страх.

Я с тобой, Москва, прощаюсь,
Неизвестности злой полн,
Мыслью в будущем теряюсь,
То страшусь, то утешаюсь,
Так, как самый малый челн
Среди седых кипящих волн.
Птички горько расстаются
С милым гнездышком своим,
Полетят — вокруг все вьются
И садятся все над ним;
Полетят — и с грустью злою
Обращают взор назад —
Горько так и я с тобою
Расстаюся, милый град.

Аргамаков Александр Васильевич (1776—1833) — поэт, племянник Д. И. Фонвизина, полковник лейб-гвардии Преображенского полка (1809); в 1812 г. командир 1-го егерского полка Московского ополчения. Друг С. П. Марина, Д. В. Давыдова и др. См. о нем: Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений. Л., 1933 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 227 (примеч. В. Н. Орлова); Марин С. Н. Полн. собр. соч. Критико-биограф. очерк, с. . . ред. и коммент. Н. Арнольд. М., 1948 (по указателю).

МАЛЬЧИК С РОЗОЙ

Пук соломы разостлавши,
Я у речки отдыхал,
Где, любовных мук не зная,
И утех любви не знал.
Невзначай увидел диво —
Прыгал мальчик вокруг меня,
Он стучал кремнем в огниво,
Искры сыпались с кремня.
Вдруг тут искра отделилась,
Ветер дул ее ко мне.
Искра в сердце заронилась —
Чувства стали все в огне.
Я тогда рвался, терзался,
Мальчику отмстить грозил,
Я лил слезы — он смеялся,
Прыгал — и кремень хвалил.
Подошел — и розу нежно
Мне с насмешкой показал.
«Успокоить кровь мятежну
Может роза», — он сказал.
«Может роза» — с этим словом
Быстрой молнией исчез.
Я для чувств в восторге новом
Мнил, что душу он унес.
Круглый год прошел иль боле,
Как покой я потерял.
Много роз я видел в поле,
Милой розы не сыскал.
Свет и жизнь возненавидел,
Но вчерась в сей злой тоске
Встретя Хлою, я увидел
С розой мальчика в руке.
Мальчик с Хлоей резвился,
Вкруг ее порхал красы;
В розовы уста садился,
То взвевал ее власы,
То с очей, в ручонках малых,
Лук с стрелою натягал;

То со щечек нежных, алых,
В ямки спрятавшись, стрелял.
То на грудь ее спускался,
Вдруг лилейну грудь открыл,
Видел розы — замешался,
Из рук розу упустил —
Я в восторге утоаю:
Мальчик розу простерег. . .
Я нашел — я умираю —
Мальчик! мальчик! ты мой бог!

Альбом М. А. Струговщиковой. — Р. I, оп. 42, № 91. Подпись: «Александр Аргамаков», но иным почерком, нежели предшествующая запись. Не датировано; относится, по-видимому, к 1808—началу 1810-х гг.

П. А. НИКОЛЬСКИЙ

⟨Е. И. ИЗМАЙЛОВОЙ⟩

Позволь альбом твой осквернить
Моими гадкими стихами!
Меня ты можешь извинить,
Когда нескладными словами
Тебя я стану величать;
Скажу, что добрая ты мать,
Что ты прекрасная супруга,
Что ты найдешь во всяком друга,
Что ты. . . Не знаю, что приплесть!
Хотел бы многое прибавить,
Но должен я стихи оставить:
Теперь спешу я к Гречу — есть!
Боюсь, чтоб там мне не сказали:
«Как поздно вы пришли! мы ждали!»

Вас Греч избавил от стихов!
Спасибо, что теперь суббота!
Писать стихи во мне охота:
Я совершенный стал Хлыстов!¹
Готов вас заморить стихами!
О! я уверен, что вы сами
Сказали б о Никольском так:
«Он как Хлыстов!» . . . то есть дурак.

Альбом Е. И. Измайловой. — Отд. поступл., № 4229, л. 5 об. Автограф без подписи. Датировается 15 марта 1815 г. (суббота), так как следует непосредственно за французской записью жены Никольского Анны под этой датой.

Никольский Павел Александрович (1791—1816) — журналист, поэт и переводчик. См. о нем: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930. с. 286—289; 754.

¹ «Хлыстов» — граф Д. И. Хвостов (1756—1835), графоманские наклонности которого были обычной мишенью для сатириков.

А. Г. РОДЗЯНКА

Альбом красавицам есть список послужной,
Где всякий смелою рукой
Свое суждение об них писать несется;
Листы сии раскрыв, я в них нашел, что ты
Любезна и добра и ангел красоты,
Так что мне ничего сказать не остается,
Так что иль рад или не рад,
Но с Лизой вымолвить я должен: виноват,
Напомнить милу дочь, развлечь тебя стараться,
В ней предугадывать ума и чувства жар,
Как в розе двух недель твой видеть полный дар,
Им пользоваться знать и издали пленяться!

23 мая 1823-го годка».

С. Ярославец.

РОМАНС

Не расточай умильных взоров!
Невинных ласк не расточай!
Волшебной силой разговоров
Огня любви не раздувай!

Холодности и страсти сменой
Не мучь неопытной души,
Измены видом принужденной
Больного сердца не круши!

Не сетуй, не вздыхай притворно,
Сквозь слез не говори «прощай!»
И долгом дочери покорной
Поддельных чувств не украшай.

Увы! люблю тебя невольно!
Люблю! зачем? ответа нет!
Вообрази ж сама, как больно
Мне обвинять любви предмет!

Но как двуличности не видеть?
И хитрости не примечать?
И как привыкнуть ненавидеть
То, что привык я обожать?

Не нежной будь, но справедливой!
Миг жалости мне удели!

Подай забвенья дар счастливый —
Или безумие пошли.

14-го июня 1823 года.
Ярославец.

Альбом В. Н. Кочубей. — Отд. поступл., № 14314, л. 3—4.

Родзянка Аркадий Гаврилович (1793—1846) — поэт, участник петербургских журналов и альманахов 1820-х годов; был связан с «Зеленой лампой» и молодым Пушкиным. С 1822 г. жил в своем имении Родзянки Хорольского уезда Полтавской губернии; поддерживал связь с Туманскими и Кочубеями, в имении которых Ярославец нередко гостил. Из альбомных стихов Родзянки этого периода известно несколько стихотворений, посвященных С. Г. и Ю. Г. Туманским (Письма Василия Ивановича Туманского и неизданные его стихотворения. Чернигов, 1891, с. 136—138).

В. И. ТУМАНСКИЙ

В. Н. КОЧУБЕЙ

В сей книге дружеских имен,
В сей книге чувств и лести сладкой
Пускай я буду хоть украдкой
К тебе на память помещен.

Пускай мечтания поэта
Приманят в легкокрылый час
Твое вниманье хоть на раз,
Как мелочи и куклы света.

Увы! прошла пора стихов!
Утратил счастье род Гомера,
И смертных пламенная вера
Угасла к языку богов.

Угасла сила душ, послушных
Гармонии высоких дум,
И огрубел беспечный ум
В оковах обществ равнодушных.

Уже не тот одряхший мир;
Простое чувство в нем не внятно:
Вы скрылися — и невозвратно —
Дни рыцарства, певцов и лир.

Те дни, как, друг покойной славы,
Любовь венчала нас в тиши,
И каждый звук живой души
Был вестник счастья и забавы,

Как руки милых ждали нас
И первый огонь очей небесных,
И поцелуи уст прелестных,
И больше, может быть, подчас!..

Мы всё — о горе! — утратили!
От ласок и наград красоты
Мгновенно шпоры и усы
Ленивцев мирных отогнали.

И что ж? Гонимые Судьбой,
Мы не вполне еще несчастны!
Еще поэта дар прекрасный
Умеем постигать душой!

Свободно правду обожая,
Умеем правду говорить
И мысли добрые хранить,
Грустя, тоскуя и страдая!

1822. Март.
Ярославец.

Альбом В. Н. Кочубей. — Отд. поступл., № 14314, л. 100—100 об. Автограф с подписью «В.» (обычная анаграмма Туманского).

Туманский Василий Иванович (1800—1860) — поэт, один из наиболее значительных элегиков 1820-х годов, связанный с декабристскими кругами и пушкинским окружением. С Кочубеями Туманский был в дальнем родстве; Варвару Николаевну Кочубей он упоминает в письмах как «кузину», у которой бывал в имении Ярославец (Т у м а н с к и й В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 231, 386).

П. И. КОЛОШИН

Не кручинься, доброй молодец,
Не тумань слезой очей своих,
Не всегда под небом гром гремит,
Не всегда на сердце грусть лежит;
Просияет красно солнушко,
Расцветут и доли злачные,
Просияет и душа твоя,
Расцветет и сердце томное»,
Будет время, будут радости,
Будет время, все забудется;
Ты оставишь скалы дикие
И леса непроходимые.
Возвратишься ты <в> любезной край,
В край любезной, милу родину,
Ты увидишь благотворной дуб,
Под чьей тенью ты покоился,

Ты увидишь тот зеленой луг,
 На котором ты забавился.
 Всякой кустик, всякая травка
 Напомнят тебе старое,
 Время старое, любезное,
 Миг беспечного младенчества.
 Ты вздохнешь и в тихой радости,
 Доброй юноша, признаешься,
Что без горести и без бедствий
Мы не знаем цены счастья.

Альбом В. А. Бакуиной. — Ф. 16, оп. 6, л. 152 об.—153. Копия, с подписью «М. Муравьев», с его же поместой: «сочинение Петра Колошина» — и датой: 20 февраля 1813 г. Публикуется с исправлением очевидных ошибок, особо не оговариваемых.

Колошин Петр Иванович (1794—1849) — поэт, участник преддекабристской «Священной артели» (с И. Г. Бурцовым, братьями Муравьевыми и др.). Запись сделана Михаилом Николаевичем Муравьевым (Виленским), с которым Колошин был знаком домашним образом с 1810—1811 гг. (см.: К а л а п т ы р с к а я И. С. П. И. Колошин и «Священная артель». — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 249—250). М. Н. Муравьев был двоюродным братом (по матери) владелицы альбома и был близок со всей семьей Бакуиных (см.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, с. 12). Стихотворение является самым ранним из дошедших до нас произведений Колошина (см.: Вейс А. Ю. Петр Колошин — автор послания «К артельным друзьям». — Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 541—554; Автобиографическая записка Петра Колошина. — В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 290—295).

Б. М. ФЕДОРОВ

ТРЕДЬЯКОВСКИЙ

Карикатурный романс

Вздев кафтан заморский,
 Пуговицы из страз,
 Шел Тредьяковский
 Людям напоказ.

В парике нарядном,
 Пукли в шесть рядов!
 В виде презрядном,
 С кипкою стихов!

Шел он с перемежкой,
 Пряжки отряжал,
 С важною усмешкой
 Мерно выступал.

Ношей утомился,
 Не легка была!

Градом пот катился
 С мудрого чела.

Шум вдруг раздается,
 Тащится берлин,
 Шестерней везется
 Феба славный сын!

Пешеход с тревоги
 Ношу уронил;
 То — сатирик строгий,
 Сумароков был!

Крикнул громким гласом:
 «Стой, Кирилъч, стой!
 Ездишь ли с Пегасом
 Ты, приятель мой?»

Общих нам соседок,
Тешишь ли ты Муз?
Нет ли новых деток?
Это что за груз?»

«Трагедия новая
Вот еще моя,
К печати — готова
Дей-да-ми-я».

«Что за небылица?» —
«Нет, прошу простить;
В ней герой — девица!
Ахиллес — как быть».

«Полно? так не в шутку
Волков говорил,
Что Ахилла в юбку
Ты перерядил!»

«Вымысл смехотворен!
А спросить весь мир,
В том не я виновен —
Роллень да Омир».

— «Феб тебе помога!
На Парнас бреди».
— «Вам вперед дорога,
Я напоследи».

Альбом А. Ф. Смирдина. — Отд. поступл., № 13947, л. 11—12 об.

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — плодовитый поэт 1820-х годов, примыкавший к кругу А. Е. Измайлова, автор стихотворных памфлетов, направленных против Дельвига, Баратынского и новой романтической поэзии (см. о нем: Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 199—201). Как и другие записи в альбоме Смирдина, «карикатурный романс» «Тредьяковский» написан, вероятно, в середине 1830-х годов. В его основе лежит, по-видимому, какой-то устный анекдот о Сумарокове и Тредиаковском; такого рода анекдоты были распространены еще в первой четверти XIX в. и иногда попадали в печать. Федоров близко общался с литераторами старшего поколения (А. С. Шишковым, Н. М. Карамзиным, Д. И. Хвостовым, Г. Р. Державиным), заставшими либо самих изображаемых поэтов, либо еще живую устную традицию. Некоторые реалии «романса» косвенно подтверждаются дошедшими до нас источниками: сюжет «Деидамии», основанный на мифе об Ахиллесе, скрывавшемся на острове Скиросе под видом женщины, был крайне необычен, что признавал и сам Тредиаковский в предпосланном трагедии «Перечневом описании»; еще в XVIII в. этот сюжет был предметом насмешек и пародий (см.: Степанов В. П. Тредиаковский и Екатерина II. — В кн.: Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976, с. 89—93). Трагедию свою Тредиаковский посвятил Сумарокову; она была известна по слухам, так как печатное издание появилось только в 1775 г, после смерти Тредиаковского.

Н. И. ГРЕЧ

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ. 1821.

34. *Николай Иванович Греч*, родившийся в С. Петербурге августа 3 1789 года, печатается ныне в собственной своей типографии, число страниц его — без числа.^a С эпитафией: Могучему пороку брань — бессильному презренье!¹

(Сие творение, написанное беглым, следственно не всегда правильным, слогом, было ругано в «Кабинете Аспазии», в «Вестнике Европы», в «Духе журналов», в «Журнале древней и новой

^a Подписка на оное принимается во всех книжных лавках. (*Примеч Н. И. Греча*).

словесности», в кругах и вечеринках грамотных, полуграмотных и безграмотных писателей и, наконец, в «Сыне отечества».² Оно представлено и на театре в комедии «Наказанная ханжа», сочиненной знаменитым Б. М. Федоровым: при сем случае должно предать бессмертию то обстоятельство, что при первом представлении сей пьесы один знаменитый³ лирик собственноручно разрисовал рожу знаменитому лицедею Величкину и был награжден за то *райским* рукоплесканием).

На соседней странице, рукой графа Д. И. Хвостова:

Любопытно знать, кто этот *знаменитый* лирик. Я не знаменит, но писывал в роде лирическом довольно и был на представлении «Ханжи», но рожу Величкину не марал. Кому гнусная и коварная эта клевета *на знаменитого* пришла в голову? Жаль, что эта нелепость находится в альбоме почтенного, доброго и любезного Петра Ивановича Кепина *<так!>*. Граф Хвостов.

Октябрь 10-е 1821 года. СПб.

Ниже, рукою Н. И. Греча:

Собственное признание есть лучшее свидетельство всего света. Воинский устав Петра I.

Ниже, рукою П. И. Кеппена:

Граф Дмитрий Иванович Хвостов скончался 22 окт<ября> 1835 года. См. «Северной Пчелы», 1835, № 241 и «St. Peterburgische Zeitung», 1835, № 244.

Альбом П. И. Кеппена. — Отд. поступл., № 10102, л. 40, 39 об. Альбомная запись в форме «библиографической рецензии» практиковалась Н. И. Гречем и в других случаях (ср. его запись 1818 г. в альбоме С. Д. Пономаревой: Дризен Н. В. Литературный салон 20-х годов. — Ежемесячные литературные приложения к «Ниве», 1894, № 5, с. 5).

¹ Эпиграф — из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

² Запись носит подчеркнуто полемический характер. Греч задевает своих литературных противников: графа Д. И. Хвостова (вступившего с ним в прямой спор на страницах того же альбома), Б. М. Федорова, издателя журнала «Кабинет Аспазии» (1815) и автора комедии «Наказанная ханжа» (поставлена в Петербурге 29 декабря 1816 г. (Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 250) с участием М. В. Величкина (1783—1848) и вышла отдельным изданием в 1817 г.), М. Т. Каченовского, издателя «Вестника Европы», В. Н. Олина, издававшего в 1819 г. «Журнал древней и новой словесности», Г. М. Яценко, издателя «Духа журналов» (1815—1821), и, наконец, своего сотрудника по «Сыну отечества» А. Ф. Воейкова, отношения с которым к 1821 г. у него были сильно испорчены.

³ Словечко «знаменитый» пародирует ссылку Воейкова на своих «знаменитых друзей» — Жуковского, Вяземского и др. (Сын отечества, 1821, № 13, с. 277). В литературной полемике 1820-х годов оно приобрело иронически-нарицательный смысл.

Прости-прощай, сестра и братья!¹
Ваш брат собрался далеко!
Падите все в мои объятия!
Расстаться с вами нелегко!
Но долг велит — покорен року!
Мне не дается больше сроку —
Лечу за счастьем в новый край!
Прости-прощай!

Прости-прощай театры, балы,
Веселость холостых бесед,
Гулянья, брани и журналы,
И глазки миленьких минет,
И молодежи все проказы,
И строгих матушек наказы,
И хитрость жен — супругов лай!
Прости-прощай!

Прости-прощай и лень, и воля,
И стихотворство... слава — дым!
Худа моих комедий доля —
И я — за солью еду в Крым.
Тогда водвили, может статься,
Здесь будут чаще представляться —
И зашумит партер и рай!..
Прости-прощай!

Прости-прощай! но вот обида!
Уж лучше прямо вам сказать:
Не даст мне соли и Таврида:
Мне не велели *добывать*,
А посадили *и продажи*,
Затем, что не бояться кражи:
Прочти стихи — и по~~к~~н^имай.
Прости-прощай!

Альбом М. В. Беклешовой. — Отд. поступл. № 9661, л. 39 об.—40.

Сушков Николай Васильевич (1796—1871) — поэт, прозаик, драматург, печатавшийся в 1810—1820-е годы в большинстве столичных журналов («Сын отечества», «Благонамеренный», «Вестник Европы», «Соревнователь» и др.), автор комедий «Теньер» (1815, с участием П. А. Корсакова), «Метромания» (1819, перевод из Пирона), «лирической трагедии» «Сафо» (1823) и др., дядя поэтессы Е. П. Ростопчиной. О нем см.: Щербальский П. Литератор старого времени. — Русский вестник, 1871, № 11, с. 295—320. В 1850-е годы получили известность изданные Сушковым сборники «Раут» (1851—1854) и его мемуары «Обоз к потомству с книгами и рукописями» (1854), вызвавшие поток эпиграмм. Шуточные куплеты «Прости-прощай» написаны им в 1822 г., пакацуне отъезда в Крым на должность советника

соляного отделения Таврической казенной экспедиции (отсюда каламбур, организующий все стихотворение: «соль» как предмет служебного попечения и комедийная «соль»).

¹ Сестра и братья, которым адресованы публикуемые стихи, — Мария Васильевна Беклепова, Александр и Петр Васильевичи Сущковы.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

КОСТЫЛЬ

Костыль — Вам дар небес: любите Ваш костыль!
Он был для Вас судьбы полезною указкой,
И в школе жизни он Вам указал на *быль*,
Когда вам жизнь была одной *волшебной сказкой*.
Про жизнь слыхали Вы сквозь сон, издалека.
Воздушных областей царица молодая,
Вы были неземной и, пад землей порхая,
Скользили по цветам на крыльях ветерка.
Но грозный час пробил. На землю ненароком
Неопытной ногой ступили Вы, и вдруг
На долю Вашу пал удел земной: недуг,
И первый этот шаг был первым Вам уроком.
Но малодушно ли Вам сетовать о том,
Когда он Вас привел к обетованной цели
И к тайнам жизни Вам он светлым был путем,
И тайны эти Вы душой уразумели
В страдальческие дни години роковой,
И все, что некогда в Вас скрытно расцветало,
Прекрасной жатвою созрело под грозой?
Так, скорбь есть таинство и мудрости начало.
(Продолжение впрёд).

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 25. Датируется 1836 г. О реальных событиях, послуживших основой этого стихотворения, как и стихотворения И. П. Мятлева «Княгинин костылек» (см. ниже), рассказывает в своих воспоминаниях М. Ф. Каменская, описывая бал у Юсуповых осенью 1836 г.: «Хозяйка дома, красавица Зинаида Ивашовна Юсупова, совсем не танцевала на своем бале, потому что в начале зимы этого года, катаясь с кем-то с ледяной горы, сильно зашибла себе ногу, прихрамывала и, не опираясь на костыль, даже ходить не могла. Помню, что на бале у нее в руке был костыль какой-то дедовский, старозаветный, черного дерева, до половины палки и по всей рукоятке сплошь усыпанный крупными бриллиантами. В одном уж этом костыле было что-то сказочное, волшебное. Должно быть, к нему же княгиня подобрала и весь свой наряд: платье на ней было не легкое, не бальное, а тяжелого голубого штофа; на голове у нее около лба горела одна только большая бриллиантовая звезда, в заднюю прическу волос были как-то впутаны два газовые шарфа: один голубой с серебряными звездами, а другой белый с золотыми, и оба они упа-

дали до самого пола. Удивительно хороша была она в этом наряде!»
(Каменская М. Ф. Воспоминания. — Исторический вестник, 1894, № 10, с. 50).

И. П. МЯТЛЕВ

КНЯГИНИН КОСТЫЛЕК

Помните ли, бедную
Как я ветку пел,¹
Как я бесталанную
Веточку жалел,

Как и ветка думала
Навсегда тужить,
Без родного дерева
Не хотела жить.

Что же? Мою веточку
Рыбаки спасли,
К токарю искусному
Ветку отнесли,

Костылек из веточки
Токарь выточил,
Барыне красавице
Костылек вручил.

В радость превратилась
Ветки грусть моей,
Даже участь прежняя
Позабыта ей.

На веточке сжигивал
Прежде мотылек!
Не бабочку... Душеньку²
Носит костылек.

Прежде птичка певчая
Сядет иногда!
Ныне *птица райская*
С костыльком всегда.

Хоть весной зеленый лист
Ветку украшал,
Но, как друг при горести,
В осень отпадал.

А на костыльке теперь
Роза круглый год, —
И какая славная
Красота красот.

Костылек понюхайте —
Что за запах в нем!
Розу — птичку — Душеньку
Тотчас узнаем.

С ним меняться участью
Я бы сам просил —
С какой бы я радостью
Барыне служил,

Как бы ею красился,
Как бы замечтал,
И сейчас бы с барыней
Провальсировал.

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 94—95. Перед текстом и после него — рисунок Мятлева, схематически изображающий «костылек» (см. вышеприведенное стихотворение П. А. Вяземского «Костыль»).

¹ Имеется в виду стихотворение «Плавающая ветка» (в более поздней редакции «Ветка»), см.: Мятлев И. П. 1) Собр. стихотворений. СПб., 1835, с. 60; 2) Собр. стихотворений. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969, с. 58.

² «Душенька» — намек на героиню одноименной поэмы (1783) И. Ф. Богдановича.

В. И. ПАНАЕВ

<А. А. АЛЬБРЕХТ>

Я поклонник красоты,
Я поэт бывалый;
Все цветешь, Алина, ты,
Как цветочек алый.

Кстати было бы мне тут
В стансах разразиться
И на несколько минут
Сладко позабыться;

Да лих нет — пора не та,
Рифма ускользает;

Ах, увы! и красота
Уж не так пленяет.

Пусть другой поэт, не я,
Юный, гениальный
Убаюкает тебя
Песней мадригальной.

Хоть и больно мне оно,
Горе — край из краев —
Но осталось лишь одно —
Подписать: Панаев.

28 декабря 1853.

Альбом А. А. Альбрехт-Углицкой. — Отд. поступл., № 10047, л. 4.

В. А. СОЛЛОГУБ

REGINA

Там, где немец горделиво
Курит трубку, пенит пиво,
А вечернею порой
Занят кегельной игрой,
Где румяная Шарлотта,
Не теряя лишних слов,
Тонкой данью бутерброта
Привлекает женихов,
Где наука продается
За дешевую цену,
А под вечер песнь поется
К Изабеллину окну,
Где студенты молодые,
Разгульные, удалые,
В шуме дружеских бесед,
Сохранили золотые
Заблужденья юных лет,
Там я жил четыре года,
Там я весело певал;
Там была моя свобода,

Там светил мой идеал;
Но не век немецкой жизни
Предаваться было мне —
И опять я на отчизне,
На родимой стороне.
К вам в Москву, моя Regina,
В православные края,
Своевольная судьбина
Перебросила меня.
Так промчались с мечтами
Невозвратные года,
Так с душевными друзьями
Я простился навсегда.
И грустится мне порою
По прекрасной старине,
И убийственной тоскою
Поделиться не с кем мне.
В вас одной нашел отраду
В безотчетной грусти час.
И к каретному я ряду,

К Остермановскому саду
Еду с тем, чтоб слышать вас.
Там сестра моя Полпна
В уголке своем живет.
Там в угоду мне Regina

Звонко, звучно запоет.
Запоет и околдует,
Горе вытеснит мое.
Сердце, душу очарует
И дополнит бытие.

5 сент <ября>.
Зыково.

Альбом П. А. Бартевой. — Ф. 244, оп. 1, № 923, л. 7.

Regina — королева (*laar*). Стихотворение обращено к П. А. Бартевой. Написано, вероятно, в 1834 г., после окончания Соллогубом Дерптского университета, о котором идет речь в стихотворении.

РОЗА

В чертогах роскошных, красой величавой
Сияешь ты, роза! Любуясь тобой,
Довольны, как счастьем, и горды, как славой,
Мы твоей красотой.

[Зачем же, скажи, ты головку склонила? . .
Тебе все прекрасное в мире дано!
Надменных соперниц ты всех победила,
А тебе все равно.

Быть может, жалеешь о лучшей ты доле,
О преждебывалой свободе твоей,
О воздухе чистом, о чудном том поле,
Где поет соловей.

Марта 1838.

Альбом З. И. Юсуповой. — Ф. 524, оп. 1, № 50, л. 96.

<А. А. АЛЬБРЕХТ>

Скажите правду, неужели
Вам уж давно не надоели
Сентиментальные стихи
И все рифмованные бредни,
Длинней монашеской обедни,
Скучней Демьяновой ухи.

Сюда и лучшие поэты
Свои неловкие куплеты
И дань присяжного ума

Вписали с робкими сердцами.
Но как вас потчевать стихами,
Когда вы знаете ведь сами,
Что вы — Поэзия сама!

22 июня 1847.

В саду, в беседке в собственном
доме ее превосходительства.

Альбом А. А. Альбрехт-Углицкой. — Отд. поступл., № 10047, л. 13.

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

МОЛИТВА

Творец! Ниспошли мне беды и лишения,
Пусть будет мне горе и спутник, и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, боже: мне тяжело здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть — изголовье,
Страдание — пища, терпенье — постель!

Земная надежда, как призрак, исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да снидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,
Меня он покинет — желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, —

Дозволь мне, о небо, — упавшему духом,
Лишенному силы струнами владеть, —
На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира —
Увлажатся очи и двинется грудь!

Альбом Е. Н. Шаховой. — Отд. поступл., № 3570, л. 18—18 об.

В этом же альбоме имеется и другое стихотворение Бенедиктова —
«Елизавете Никитичне Шаховой» (л. 19—19 об.), опубликованное под на-

званием «В альбом Е. Н. Ш — вой» (Лит. прибавления к «Русскому инвалиду», 1839, № 2, с. 33). Поэтическая деятельность Шаховой развивалась под влиянием Бенедиктова; личное общение поэтов началось, вероятно, в 1838 г., после выхода в свет первого сборника стихов пятнадцатилетней поэтессы (1837). Оба стихотворения должны датироваться 1838 или началом 1839 г. Ответное послание к Бенедиктову Шахова напечатала в «Библиотеке для чтения» (1839, т. 32, с. 63—65). Публикуемое стихотворение в известной степени предвосхищает последующую поэтическую полемику между Бенедиктовым и Шаховой о поэзии и религии. В 1845 г. Шахова удалилась в Спасо-Бородинский монастырь и подвергла резкому осуждению «мирские» стихи своего прежнего учителя. Бенедиктов откликнулся посланием «К инокине», где корректно, но решительно защищал искусство от посягательств догматической церкви. Шахова возразила обширным посланием («Возражение»). См.: Бенедиктов В. Г. 1) Стихотворения. Л., 1939, с. 316, 317—318 (коммент. Л. Я. Гинзбург); 2) Соч., т. 2. Изд. 2-е, посмертное. СПб., 1902, с. 224—226; Собр. соч. в стихах Елисаветы Шаховой. СПб., 1911, с. 113—116.